

Барышева О.И.
(Русская христианская гуманитарная академия)
Санкт-Петербург

АНТИЧНАЯ ГРАММАТИКА В ВИЗАНТИЙСКОЙ РЕЦЕПЦИИ. ДВА КОММЕНТАРИЯ К КАНОНАМ ФЕОДОСИЯ*

Хорошо известно, сколь многое сделала Византия для усвоения античного наследия Западной Европой. Пока латинский мир переживал упадок Тёмных веков, в Византии бережно хранили, переписывали и изучали древние манускрипты, чтобы затем, когда придёт час, заново открыть для европейцев великих авторов ушедшей эпохи. Необходимым условием сохранения и трансляции знаний на протяжении нескольких сотен лет является высокий уровень образованности, который, в свою очередь, может обеспечить только отлаженная система образования. Краеугольным камнем системы образования в Византии было основательное изучение древнегреческого языка — языка науки, литературы и официальной документации. Как и теперь, много внимания при этом уделялось изучению грамматики.

Византийцы, известные своим консерватизмом и приверженностью авторитетам прошлого, изучали грамматику по античным учебникам, среди которых особое место занимают «Каноны склонения имен и глаголов для начинающих» (Εἰσαγωγικαὶ κανόνες περὶ κλίσεως ὀνομάτων καὶ ρημάτων) грамматика Феодосия Александрийского. Они были составлены в поздней Античности — предположительно, на рубеже IV–V вв. — и служили своего рода приложением к уже имевшимся авторитетным трактатам по грамматике, в первую очередь к «Искусству грамматики» (Τέχνη Γραμματικῆ) Дионисия Фракийского (II–I в. до н.э.). Если трактат Дионисия даёт ответы на общие вопросы грамматической теории, касающиеся, например, количества частей речи, их определений и атрибутов, то в «Канонах» Феодосия всё внимание отдано практике образования форм. С точки зрения содержания и функции, «Каноны» близки современным грамматическим таблицам склонений и спряжений, с той лишь разницей, что методы современной грамматики позволяют представить данный материал в сравнительно сжатом виде, тогда как античная грамматика

---

* Работа выполняется при поддержке гранта РФФИ № 18-78-10051 «Византийский фактор в формировании русской логической традиции» в Русской христианской гуманитарной академии.

вынужденно его дробила и умножала. Так, например, современная грамматика древнегреческого языка выделяет всего три склонения существительных и прилагательных, Феодосий же указал 56 типов склонения имен, причём данная классификация всё равно оказалась не исчерпывающей. Разумеется, в образовании падежных форм слов, отнесённых Феодосием к разным типам, прослеживалось большое количество общих закономерностей (как иначе они затем могли быть объединены в одно склонение?). Эти закономерности легли в основу многочисленных правил («канонов»), которыми Феодосий сопровождает парадигмы склонений и спряжений.

«Каноны» Феодосия оказались очень востребованы в Византии как учебник элементарной грамматики. Византийские грамматики строили свои лекционные курсы как комментарии к ним — излюбленный жанр Средневековья. Известны два таких комментария: комментарий Иоанна Харакса, дошедший до нас в виде экскерптов александрийского патриарха Софрония (IX в.), и комментарий Георгий Хировоска, сохранившийся целиком.

Об Иоанне Хараксе известно крайне мало. Помимо комментариев к «Канонам» Феодосия, ему принадлежит еще несколько сочинений по грамматике, из которых сохранились только фрагменты. На него в своих комментариях ссылается Георгий Хировоск и, разумеется, Софроний, а сам он цитирует Иоанна Филопона (VI в.), что позволяет определить *termini ante quem et post quem* — первая половина VI в. и первая половина IX в. соответственно [4; 391–392].

Биографических сведений о Георгии Хировоске также немного. Долгое время его ошибочно относили к авторам IV–V вв., но теперь установлено, что он жил в VIII–IX вв. [1; 19 и 7; 341–345]. Он, несомненно, занимал высокий пост (в разных рукописях его называют хартофилаком, вселенским учителем и диаконом), но точных и полных сведений относительно его профессиональной деятельности у нас нет. Хировоску принадлежит большое число сочинений по различным вопросам грамматики и риторики, многие из которых сохранились — полностью или фрагментарно. Эти сочинения появились в основном в результате педагогической деятельности их автора и, по мнению современного исследователя [2; 479], не отличаются большой новизной идей. Тем не менее они весьма ценны как источник наших знаний о преподавании грамматики в IX в. и как собрание свидетельств и цитат из произведений античных грамматиков, некоторые из которых нам известны только благодаря Георгию Хировоску.

Комментарии Хировоска к «Канонам» по величине значительно превосходят комментарии Харакса, по крайней мере в том виде, в котором они дошли до нас благодаря Софронию. Комментарии Хировоска подробны и обстоятельны. Каждая мысль, начатая им, доводится до конца со всеми необходимыми примерами и отступлениями. Комментарии Харакса-Софрония поспешны и небрежны. Часто аргументы в поддержку некоторой точки зрения не приводятся им полностью, а только обозначаются. Иногда вследствие этого аргумент ведёт к прямо противоположному заключению, как вышло, например, в споре о месте звательного падежа среди других падежей. Споря с теми, кто считает, что звательный падеж должен следовать по порядку сразу за именительным и предшествовать всем остальным косвенным падежам, и Хировоск, и Харакс приводят аргумент «от лиц». В варианте Хировоска он выглядит так: звательный падеж способен обозначать только второе лицо, например, «Ты, Аристарх», тогда как все остальные падежи могут обозначать все лица, включая первое, например, «Меня, Аристарха», «Тебя, Аристарха», «Его, Аристарха» и т. д. Поскольку первое лицо предшествует второму, то и все падежи, способные обозначать первое лицо, должны предшествовать тому, который обозначает только второе. Следовательно, звательный падеж должен следовать после всех остальных падежей [3; 111. 25–35–112. 1–4]. Харакс также прибегает к этому аргументу, но не излагает его полностью, а только намекает на него: «Еще же всякое имя сочетается с третьим лицом, а он [звательный падеж] — со вторым» [6; 378. 13–14]. Однако, в такой формулировке этот аргумент принадлежит позиции, которую и оспаривает Харакс. Весьма вероятно, что указанная небрежность — результат переработки комментариев Харакса Софронием. Известно, что комментарии Харакса (как и комментарии Хировоска) — это лекционный курс, записанный «ἀπὸ φωνῆς» [5; 191–222], который был, скорее всего, также достаточно подробным. К сожалению, как выглядели комментарии Харакса первоначально, и какая их часть оказалась утраченной, мы, наверное, никогда не узнаем.

Оба комментария, несмотря на огромное различие в масштабах, имеют схожую структуру. Как и сами «Каноны», они делятся на два больших раздела (о склонении существительных и о спряжении глаголов), каждый из которых открывается введением — пролегоменами. Как мы уже сказали, «Каноны» Феодосия представляют собой сухой и инструктивный текст, более всего похожий на современные грамматические таблицы. Изучение «Канонов» предполагало, таким образом, предварительное знакомство с

другими трактатами по грамматике, в которых вводятся основные понятия и разъясняются принципы грамматической теории. Положенные в основание учебного курса, «Каноны» также требовали предварительных пояснений, которые и даны во введении.

В основе пролегомен лежит уже упомянутый трактат Дионисия, а именно те его разделы, которые касаются имен и глаголов. Однако, помимо определений Дионисия, в обоих комментариях обсуждаются также и иные вопросы, весьма важные для средневековых учёных, например, вопросы иерархии. Оба комментатора уделяют много времени обсуждению того, почему данная грамматическая категория должна быть рассмотрена первой и в каком смысле она главенствует над другими рядоположенными ей понятиями. И если вывод, что имя и глагол важнее других частей речи, поскольку их одних достаточно, чтобы выразить законченную мысль, кажется резонным, то самая попытка ранжировать, по самым разным основаниям, косвенные падежи может вызвать недоумение. Между тем, и Хировоск, и Харакс серьезно и обстоятельно разбирают эту проблему. Харакс, например, пишет, что родительный падеж должен быть первым из косвенных и следовать сразу за именительным, потому что формы родительного падежа иногда переходят в именительный, как в случае ‘*τοῦ ψαρός ὁ ψαρός*’ [6; 379. 1-3].

Закончив введение, оба автора приступают непосредственно к комментированию текста Феодосия. Они оба цитируют «Каноны» фраза за фразой и разбирают в них почти каждое слово. При этом, как мы уже упоминали, комментарии Хировоска значительно подробнее, чем лаконичные схолии Харакса в эксцерптах Софрония. Остановимся на одном примере исчерпывающих разъяснений Хировоска. Комментируя раздел о склонении имен, он очень педантично разбирает введенные Феодосием дистрикции. К первому типу склонения (канон А) принадлежат, по Феодосию, «имена, [оканчивающиеся] на чистое -ας, двусложные, с долгим последним слогом» [8; 3. 4-5]. Такие имена склоняются «через -vt, как, например, *Θόας Θόαντος*». Хировоск объясняет, какую роль играет каждый элемент данного определения, например: «[Феодосий] сказал «[оканчивающиеся] на -ας» из-за слов, имеющих другую гласную – таких, как *τὸ γόνος*. Ведь оно является и чистым, и двусложным, имеет ударение на последнем слоге и склоняется с прибавлением слога, *γόντος*, а всё-таки склоняется не через -vt, а через -τος» [3; 119. 5-7]. Много внимания Хировоск уделяет словам, которые Феодосий считал исключениями, и там,

где это удаётся, объясняет, почему склонение этих слов не соответствует правилам Феодосия.

Итак, мы дали предварительную характеристику двух византийских комментариев к позднеантичному учебнику Феодосия. Оба текста содержат интереснейший материал для исследования как грамматической теории, так и практики преподавания грамматики в средневековой школе. Комментарии Георгия Хировоска и Харакса-Софрония, очевидно, заслуживают дальнейшего детального исследования, в ходе которого предстоит, во-первых, оценить степень зависимости средневековых схолиастов от античных источников, а во-вторых, выявить влияние этих весьма авторитетных текстов на поздневизантийские пособия по грамматике, например, на «Диалог о грамматике» Максима Плануда и «Вопросоответы» Мануила Мосхопула. Такая работа позволит проследить эволюцию теории и практики преподавания грамматики греческого языка на протяжении всей византийской эпохи.

Литература:

- [1] *Alpers, K.* Die griechischen Orthographien aus Spätantike und byzantinischer Zeit. Anmerkungen zu einer Publikation // *Byzantinische Zeitschrift*, 97:1 (2004). S. 1–50.
- [2] *Dickey, E.* The Sources of our Knowledge of Ancient Scholarship // *Brill's Companion to Ancient Greek Scholarship* / ed. F. Montanari, S. Matthaios, A. Rengakos. Leiden, Boston: Brill, 2015. P. 459–514.
- [3] *Georgii Choerobosci Prolegomena et scholia in Theodosii Alexandrini canones isagogicos de flexione nominum* // *Grammatici Graeci* / Ed. A. Hilgard. Vol. 4.1. Leipzig: Teubner, 1894. P. 103–417.
- [4] *Kaster, R.* Guardians of Language: The Grammarian and Society in Late Antiquity. Berkeley etc: University of California Press, 1988.
- [5] *Richard, M.* ΑΠΟ ΦΩΝΗΣ // *Byzantium*, 20 (1950). P. 191–222.
- [6] *Sophronii Patriarchae Alexandrini Excerpta ex Joannis Characis commentariis in Theodosii Alexandrini canones* // *Grammatici Graeci* / Ed. A. Hilgard. Vol. 4.2. Leipzig: Teubner, 1894. P. 375–434.
- [7] *Theodoridis, Ch.* Der Hymnograph Klemens terminus post quem für Choeroboskos // *Byzantinische Zeitschrift*, 73 (1980). S. 341–345.
- [8] *Theodosius.* Canones isagogici de flexione nominum // *Grammatici Graeci* / ed. A. Hilgard. Vol. 4.1. Leipzig: Teubner, 1894. P. 3–42.